

Евгений Фоменко

СУМРАЧНЫЙ ПОЯС МИСТЕРИЯ

Евгений Фоменко

Сумрачный пояс: Мистерия

«Автор»

2026

Фоменко Е.

Сумрачный пояс: Мистерия / Е. Фоменко — «Автор», 2026

Паромобили вновь грохочут на улицах Новой Варшавы, дирижабли рассекают сумрачное небо, а жители приходят в себя после эпидемии. Но новые потрясения уже на пороге. Герои снова окажутся в водовороте событий. Кто-то ищет справедливости, кто-то жаждет власти, а кто-то просто пытается выжить. Каждого из них ждёт своя доля безумия. Ведь в этом мире по-другому быть не может. Вскрываются тайны, бывшие союзы трещат по швам, узлы стягиваются всё сильнее. И за всем этим угадывается чей-то хитроумный замысел. Или мистерия. Третья книга цикла.

© Фоменко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сумрачный пояс: Мистерия

Пролог

«...несмотря на все тревожные слухи, премьера новой пьесы господина Чартковского все же состоялась. Сложно пересказывать все перипетии любовного сюжета, но восторженная публика еще десять минут аплодировала стоя. А вариации маэстро Еришова для механического органа? Ах, это заслуживает отдельного концерта!

И пусть зал был далеко не полон, но у нас появилась надежда, что культурная жизнь Новой Варшавы вовсе не угасла, а всего лишь на время затаилась – словно артист, ушедший за кулисы перед еще одним выходом. Сейчас как никогда хочется верить, что музыка, театры и балы переживут тревожные времена и наполнят город истинным светом и шумом, лишний раз напоминая, что даже в сумраке всегда есть место для чего-то возвышенного...»

«Культура и искусство», Марта Гучко

Жандармов Гавел недолюбливал. Так повелось с детства. Но вот именно сегодня он бы не отказался, если бы где-то поблизости разгуливал усиленный патруль. Слишком уж неспокойно было в последнее время на этих улицах, а утренняя тишина несколько не успокаивала, а наоборот — заставляла все время прислушиваться и всматриваться. В каждом тёмном углу мерещился или погромщик, или обезумевший. И еще неизвестно, что было хуже.

Мусорщик мотнул головой, отгоняя от себя нехорошие мысли.

Работу никто не отменял.

А её хватало.

Многие жители теперь даже и не пытались дойти до баков — просто вываливали помой из окон и дверей. Переулки тонули в гниющих отбросах, под окнами росли прелые кучи, вездесущие крысы становились всё наглее.

Гавел кряхтел, разгребая крюком очередной завал.

Вонь стояла такая, что даже у бывалого мусорщика начинали слезиться глаза. О том, чтобы взять отгул, не могло быть и речи. Начальство лютовало, требовало прилежания и исполнительности. В ход шли угрозы: не будете мести — посчитаем за саботаж. А ведь там и до охраны недалеко.

— Куда сваливаешь? — Гавел прикрикнул на напарника.

Этот деревенский увалень вроде и старался, но за ним постоянно приходилось приглядывать.

— А? Что? — детина глупо захлопал ресницами.

— Ничего! — раздраженно бросил Гавел. — Подгребай давай, подгребай!

Да, с прошлым напарником было куда проще. Оскар был мужиком ершистым, но с ним и поболтать можно было, да и в кабак заглянуть. А с этой деревенщины, что взять? Пустоголовый и прижимистый — он ведь дальше своего хуторка не выбирался, а теперь, гляди-ка, в Новую Варшаву подался. И кто додумался такого на работу взять? Видать, у управы совсем плохо с людьми. Нанимают кого ни попадя.

— Уф, — разогнувшись, Гавел тяжело выдохнул и оглядел себя.

Похоже, замаранные и продранные нарукавники придется менять, а фартуку нужна будет хорошая чистка. И за все это придется заплатить из собственного кармана. Такие нынче были правила.

Единственное, что хоть как-то радовало Гавела, так это то, что теперь он мог почувствовать себя хоть и совсем маленьким, но все же начальником.

Подопечный слушался беспрекословно. Стоило только Гавелу бросить косой взгляд и парень тут же начинал торопиться, будто пытался загладить вину. И из-за лишней суеты он начинал портачить. Вот тогда старший товарищ мог и прикрикнуть. В ответ бедолага лишь привычно сутулился и прятал глаза. В сущности, это был большой ребёнок, наивный и не очень далекий.

— Ладно, покури пока, — смиростивился Гавел. — Сейчас тут закончим и к лабазу пойдём.

Он и сам хотел побыстрее убраться отсюда, но вот сейчас точно нужна была передышка. Напарники и так работали несколько часов кряду.

— Ага, — радостно брякнул парень, отбросив грабли.

Усевшись на каменный бордюр возле мусорных баков и вытянув ноги, он достал папироску и развернул смятую газету.

Газеты и журналы мусорщики редко покупали. А зачем тратить? Все важные новости и без того быстро расходились по улице, а прессу можно было найти прямо на работе. Правда, в подпорченном виде.

Парень беззвучно зашевелил губами. Было понятно, что читать он умеет только по слогам. Каждое предложение давалось ему с трудом.

— Грамотей, — ухмыльнулся Гавел.

— Это-то да, — не без гордости протянул увалень. — Не дурней других! Буквы все знаю, и цифры тоже. Нас в деревне дьякон каждую субботу собирал в амбаре — свечку зажжёт и про науку рассказывает. Только он в прошлом году преставился. Водовку шибко уважал. А так-то святой человек был.

Отчасти Гавел даже пожалел парня. Тяжко ему будет в большом городе.

— Какая ладная, — восхитился напарник, перевернув страницу, — только худющая больно. Её б откормить малость.

Еще раз хмыкнув, Гавел раскурил трубку.

Найденный сегодня кисет он решил оставить себе. Этот деревенский в хорошем табаке точно ничего не понимает. А значит — ему такое без надобности.

— Старовата, наверное, — парень покрутил в руках газету. — Но всё равно красивая. Тётка моя, говорят, такой же по молодости была. Со всей округи свататься приходили. Только она за бурлака пошла, что паровозы на узкоколейке тянут...

Любопытство всё же выиграло. Подойдя поближе, Гавел слегка наклонился и заглянул в газету. С разворота на него смотрела изящная блондинка. Загадочная и манящая улыбка даже слегка смутила мусорщика.

Островатые черты казались смутно знакомыми, но не более того.

«Да и шут с ней, мало ли кого печатают», — подумал Гавел и уже хотел отвернуться.

И вот тут пришло озарение. По спине пробежал неприятный холод.

Это была она! Та самая!

— Дай сюда, — Гавел вырвал газету.

Не ожидавший ничего подобного парень отпрянул назад.

— Ты чего?

— Нельзя на неё смотреть, — почти прохрипел Гавел.

Смятая газета полетела на землю. Для верности мусорщик даже потоптался по ней.

— Почему?

— Ведьма, — процедил Гавел. — Самая что ни на есть.

Напарник испуганно ахнул и зачем-то зажал себе рот рукой.

Лана Монро — так её звали.

Теперь-то Гавел это мог сказать точно.

Из-за нее сгинул Оскар. Насмотрелся на портрет, потерял сон и покой, а потом и умом тронулся.

— А как же тогда..., — пробормотал парень.

— Вставай! – потребовал Гавел. – Времени мало!

Вскочив, напарник тут же подхватил грабли.

Где-то неподалёку раздалась резкая трель жандармского свистка.

Мусорщикам, действительно, стоило поторапливаться.

Напряжение последних дней не стихало.

И это утро снова будет таким же – сумрачным, тягучим, нововаршавским.

Глава 1

Глава, в которой намечается очередной вояж, но Марфа резко против

«...охранное ведомство проявило наконец-то зоркость и решительность: в городе «обнаружены и разогнаны» несколько кружков, занимавшихся подрывной деятельностью. Стражи правопорядка бодро рапортуют, что со смутьянами уже ведется работа. Можно было бы рукоплескать нашим доблестным защитникам, но тут хочется задать вопрос – господа, а почему, собственно только сейчас? Что мешало вам обратить внимание на это раньше? Любой обыватель и так прекрасно знает, какие разговоры порой ведутся в студенческих чайных. Нашим добрым читателям может показаться, охранка просто ждала удобного часа, дабы «героически» выловить тех, про кого и так прекрасно всё было известно. Так или иначе, теперь ...»

«Нововаршавский советчик», Виктор Вторыга

Внутри пахло гарью и маслом.

Водительскую дверь слегка перекосило, а на стёклах поблескивала изморозь.

Агнешка попробовала было дернуть ручку, но та не поддавалась.

Тело тут же отозвалось болью.

Сложно было даже понять, сколько девушка уже здесь находилась. Времени как будто не существовало, вся вселенная ужалась до салона покорёженного снегохода.

Незаметно, словно на цыпочках, подкрадывалась паника.

Сначала появилась мелкая дрожь в пальцах, потом стало тесно в груди, виски подавляло. Агнешка попробовала сосчитать вдохи – раз, два, три... Сбилась и негромко всхлипнула.

Положение казалось безвыходным.

Снаружи тихонько завыл ветер, и этот тоскливый звук упрямо напоминал девушке о её одиночестве.

Никто не придёт, никто не поможет, никто даже и не знает, где она нашла свою погибель.

Агнешка зажмурилась.

— Тише, тише..., — прошептала она сама себе, пытаясь удержаться от истерики.

Но слова помогали слабо.

Будь проклят тот день, когда она согласилась на предложение Вернера.

Какой же глупой она была! Соблазнилась на все эти посулы, уже видела себя на высоком и важном посту.

И что в итоге?

Юлиус Вернер оказался законченным мерзавцем, не считавшимся с людьми, а сама Агнешка наверняка вскорости замёрзнет посреди заснеженной равнины.

А может стоило остаться в замке?

— Нет! – чуть ли не выкрикнула Агнешка.

Находиться рядом с этим человеком было бы невыносимо.

За маской филантропа и популяризатора науки скрывалась куда более противоречивая личность.

Если раньше Агнешка готова была боготворить Юлиуса Вернера, то теперь он вызывал лишь отвращение.

Вспышка злости обожгла девушку сильнее мороза.

В памяти сразу всплыли его снисходительные взгляды и духоподъёмные речи. А к этому еще добавилось понимание, что Агнешку держали за пешку, которой в любой момент могут пожертвовать.

Навалившиеся эмоции заставили встряхнуться. Слабость была непозволительной роскошью. У девушки появилось непреодолимое желание доказать, что её судьба принадлежит только ей.

— Я выберусь, — сквозь зубы пообещала Агнешка.

Изо всех сил рванув пряжку ремня безопасности, девушка кое-как перелезла через пассажирское сидение и буквально вывалилась наружу.

В лицо ударил морозный воздух.

Агнешка торопливо зачерпнула горсть снега и стала растирать им щеки и шею. Дыхание постепенно приходило в норму, в голове прояснялось. Кажется, обошлось – ни переломов, ни ран, только ушибы и звон в ушах. Значит, можно продолжить путь.

С направлением девушка определилась быстро. Нужно было идти к Поясу, только так появлялась хоть какая-то надежда на спасение.

Агнешка сделала нетвердый шаг.

Неглубокий снег скрипнул, а за спиной послышался уже знакомый полусшепот.

— Я с тобой, я помогу, они ещё все узнают...

Раньше от этого голоса пробрало бы до костей. Теперь – нет.

Незримое присутствие Полины только придавало сил.

— Да, — тихо, но уверенно ответила Агнешка.

Девушка наконец-то выпрямилась и расправила плечи.

Послышался лёгкий хруст, но после этого стало даже легче, как будто какой-то из позвонков занял свое законное место.

— Следы, — подсказала Полина.

И только теперь Агнешка обратила внимание, что к ближайшему пригорку вела уже кем-то протоптанная дорожка. Наверняка это был Анатолий – больше просто некому.

С этим предателем тоже нужно будет покончить.

Агнешка уже твердо знала, что никому никогда больше ничего не простит.

И все эти трудности она обязательно преодолеет, чего бы это ни стоило.

Мысли пока еще путались, но план действий уже начинал обретать очертания.

Ну а пока нужно было добраться до ближайшего поселка.

— Может, ты не такая уж и тряпка...

— Заткнись, — неожиданно огрызнулась Агнешка.

Она стала совсем другой.

Дирижабль опускался плавно.

И что интересно, практически бесшумно.

Два небольших винта больше напоминали игрушечные флюгеры, приделанные забавы ради. Да и сам дирижабль был невелик. Но даже с учётом скромных габаритов, его появление всё равно вызвало на земле беспокойство.

Боря непроизвольно схватил Каталину за руку. Та тут же дёрнулась и высвободилась. Поведение новоявленного рыцаря у неё вызвало только раздражение.

— Ой, творится-то что, — глаза у Марфы округлились, — мы тут дирижаблями уже давно не видели.

— Спокойствие, мадам, — Ложкин не упустил момента, чтобышний раз покрасоваться, — я всё улажу.

В ответ служанка лишь громко хмыкнула.

— Это за нами? — задрал голову, еле слышно спросил Боря.

— Дурачок, — бросила Каталина. — Кому ты нужен?

И словно в подтверждение этих слов на дирижабле ожил громкоговоритель.

— Сохраняйте спокойствие, не делайте резких движений! — донеслось сверху.

— Стоим мы, стоим! — сложив ладони рупором, прокричал Роберт.

Ситуация пугала своей неопределённостью.

— Мадам, вы бы того... Ружьишко бы опустили, — искоса глядя на служанку, Ложкин убрал в карман электрический пистолет. — Как бы чего худого не вышло.

— Кто это? — Марфа не сводила глаз с дирижабля.

— Да ясное дело — вернеровские это.

Услышав фамилию промышленника, Каталина поежилась. Вряд ли кто-то будет сейчас спрашивать с неё карточные долги, но воспоминания были не из приятных. Слишком уж самонадеянно она тогда за ломберным столом поверила в свою счастливую звезду. Юлиус Вернер умел легко прощаться с деньгами, но, тем не менее, игроком он был хорошим. Да и вся компания подобралась непростая — Каталину элементарно обчистили. После такого сокрушительного проигрыша любой гринвичский джентльмен счел бы своим долгом пустить пулю в лоб. По счастью, госпожа Зиманская подобные принципы не разделяла. Но ситуация и впрямь была хуже некуда. Репутация трещала по швам — в высшем свете теперь делать нечего. По крайней мере до тех пор, пока не удастся рассчитаться с долгами.

А между тем дирижабль уже завис почти над самой землёй. Дверь гондолы открылась и вниз соскользнула веревочная лестница, и по ней один за одним начали торопливо спускаться люди.

Вперед вышел высокий лысый мужчина в порядке помятом костюме.

— Нам нужен Отто Белофф. Он здесь?

— Нет тут таких, — не моргнув глазом, ответил Ложкин.

Этот господин показался Каталине знакомым.

Кажется, они уже встречались в Стрешнево.

Ботников, Плотников...

Болотников, точно!

— Правда? — с нажимом переспросил управляющий.

— Был, но уехал, — быстро пошел на попятную Ложкин, успев перехватить суровые взгляды матросов.

— Когда вернется?

— Не докладывали.

— А как давно... — начал было Болотников, но наконец-то обратил внимание на девушку. — Ах, это вы? Простите, не узнал вас сразу в этом маскараде.

В галифе и кепи Каталина походила на юнца.

— Рад вас видеть, — управляющий учтиво кивнул.

— Не могу сказать того же, — съязвила Каталина и тут же перешла в наступление. — Извольте объясниться, что это все значит. Прилетаете как к себе домой, учиняете какой-то допрос. Вам не кажется, что это невежливо?

— Прошу прощения за доставленные неудобства, — холодно ответил Болотников. — Того требуют обстоятельства. Так когда вернется господин Белофф?

Каталина очень быстро начала терять терпение.

— Ау-у! Вам же сказано, что мы не знаем. А в сторожа мы ему не нанимались. Будьте так любезны — проваливайте!

— И куда он направился вы тоже не знаете? – Болотников как будто и не слышал Каталину. – Что ж, тогда мои люди останутся здесь, чтобы потом его сопровождать. Дело не терпит отлагательств.

— У нас тут не ночлежка!

— А у вас, если не ошибаюсь, особые отношения с господином доктором, — монотонно продолжил управляющий, — поэтому вы сейчас отправитесь с нами.

— Что?! Да как вы смеете!

Расчет был примерно понятен. Похоже, что Каталину просто брали в заложницы, чтобы поторопить доктора.

— Не пущу! – заголосила Марфа, наставив ружье на Болотникова.

— Осторожней, а то ненароком выстрелите, — на управляющего такое поведение не произвело ровным счетом никакого впечатления. – Это было бы очень неосмотрительно с вашей стороны.

— Ишь, что удумали ироды, — не унималась служанка, — я вам спуска не дам!

— Марфа, цыц!

Каталина успела правильно оценить расклад. Это от случайных мародеров можно было отбиться, а вот с матросами-головорезами такой номер точно не пройдет.

— Так ведь они ж... — попробовала возразить служанка.

— Кому сказала? – прикрикнула Каталина.

Тяжело вздохнув, Марфа все же опустила ружье.

— А вот это весьма благоразумно, — похвалил Болотников. – Я распоряжусь, чтобы сюда подали паромобиль для господина доктора. А мои люди просто его подождут. Это нужно в том числе и для вашей безопасности.

Эти слова слегка успокоили служанку, но так просто униматься она не собиралась.

— Учти, я твоих мордovorотов кормить не собираюсь!

— Это лишнее, — с еле заметной усмешкой ответил управляющий.

— И куда же вы меня повезете? – спросила Каталина.

— На виллу. На правах, конечно же, почетной гости. Тут недалеко. Ну, сравнительно недалеко.

— Мне нужно переодеться, — поставила перед фактом девушка. – Я не могу в таком виде показаться перед господином Вернером.

— Не беспокойтесь, Юлиуса вы пока не увидите. Он... Эмм, занят.

Каталина слегка прикусила губу, чтобы скрыть улыбку.

— А по поводу переодеться – не имею ничего против, — Болотников хотел сначала отправить с девушкой сопровождающих, но посчитал, что это будет уже лишним.

Без лишних разговоров Каталина направилась к дому.

— Только, прошу, не делайте глупости, — все же напутствовал управляющий.

Ничего подобного у Каталины уже и в мыслях не было. Раз встреча с Вернером откладывалась, то можно было воспринимать этот полёт как маленькое приключение. Тем более, на вилле наверняка найдется что-то интересное. Например, богатый винный погреб.

— А это что такое? – Болотников указал на шагohод.

Механический паук лежал на земле, поджав под себя металлические лапы.

— Ничего!

— Хлам!

Дядя и племянник испуганно переглянулись.

— Да это... Как его? – слово решил взять Ложкин. – Металлолом мы собираем. Денежку зарабатываем. Времена-то сами знаете какие.

— Металлолом говорите, — Болотников подошел поближе. – Это любопытно.

— Ничего особенного, — буркнул Роберт, отводя глаза. — Говорю же — хлам, баловство одно.

Но управляющий уже свесился над кабиной и деловито ощупывал рычаги и тумблеры. С дирижабля он успел рассмотреть диковинную машину, но тогда не придавал этому особого значения. Сейчас же Болотников понимал, что перед ним не просто какая-то самоделка, а незаконная механизация самого высокого уровня. Мимо такого сложно было пройти.

— Пожалуй, я немного задержусь, — Болотников задумчиво почесал кончик носа. Несмотря на свою директорскую должность, он очень хорошо разбирался в технике. Боря нервно сглотнул.

Начав подъем, Агнешка очень быстро поняла, что ошиблась в расчётах.

Снизу скат казался пологим, но снег под ногами был рыхлым. Стоило только сделать шаг, и нога сразу же проваливалась.

Можно было, конечно, попробовать обойти холм, но какое-то неведомое упрямство погнало девушку наверх. У неё появилась навязчивая идея, что спуск будет означать поражение.

— Нет, — прошептала Агнешка сама себе.

Её заметно пошатывало, она буквально выпарапывала каждый метр. Но с каждой минутой росла уверенность, что если одолеть этот подъём, то дальше Агнешка сможет вырваться из любой ловушки.

— Если взберусь сюда — значит, выберусь...

Но чем ближе была вершина, тем сильнее сказывалась усталость. Дыхание окончательно сбилось, а тело наливалось свинцом.

И когда до края оставалось совсем чуть-чуть, нога предательски поехала назад.

Агнешка рухнула на живот и едва не соскользнула вниз.

С отчаянием девушка вцепилась пальцами в корку снега. Лед ломался под ногтями, крошка летела в лицо, но девушка все же удержалась.

Сверху послышалось какое-то движение.

Кое-как Агнешка приподняла подбородок.

Из белого марева выплыл силуэт.

Это был Анатоль.

Не теряя времени, музыкант растянулся на снегу и дотянулся до девушки своей длинной рукой. Агнешка хотела было что-то выкрикнуть, но в итоге только крепко уцепилась за Анатоля. Тот дёрнул резко, уверенно, и через мгновение девушка уже лежала на вершине, жадно хватая ртом морозный воздух.

— Предатель, — спустя минуту прохрипела Агнешка.

В ответ Анатоль лишь промычал что-то нечленораздельное. И это еще сильнее разозлило девушку. Ухватив музыканта за штанины, она поднялась и тут же вцепилась в щеку. Удар вышел звонкий и хлесткий, холодная ладонь со всей силы впечаталась во впалую щеку.

— Предатель, — повторила Агнешка, давясь каждым слогом.

Анатоль замер, не сразу осознав, что произошло.

В его растерянном и почти детском взгляде мелькнула тень недоумения и обиды.

— Я искал помощь, — еле слышно промямлил молодой человек.

И только теперь Агнешка заметила за его спиной что-то похожее на узкую волокушу. Выходит, он ушёл вовсе не из трусости и не собирался её бросать.

Но как бы там ни было, девушка и не думала извиняться.

— И куда мы теперь?

Музыкант опустил голову и громко шмыгнул носом.

— Недалеко. Там дома.

Агнешка невольно прищурилась. Дома? После всего пережитого это звучало слишком просто, почти нелепо. Сразу же вспомнился перекошенный снегоход, пустота вокруг, холод. И как-то слабо верилось, что где-то совсем рядом могут быть люди. Слишком уж быстро они добрались до жилья.

— Садись, — Анатоль указал на волокушу. — Повезу.

Обессиленная девушка опустилась на узкие полозья, обтянутые мешковиной, и ухватилась за край. Деревянная конструкция жалобно скрипнула под её весом, но выдержала.

Перехватив поудобнее верёвку, Анатоль молча потянул. Волокуша нехотя заскрежетала по насту.

С этой стороны холм был почти пологим, и если бы не застывшие кочки, спуск можно было бы назвать вполне комфортным. Агнешка как-то очень быстро погрузилась в собственные мысли. Всё пережитое за последние часы казалось смутным, размазанным, как будто всё это происходило с кем-то другим. Девушка уже не замечала ни скрипа полозьев, ни тяжёлого дыхания своего спутника.

Очнулась она только тогда, когда впереди показались приземистые домики. Их было с десяток, и они буквально выпрыгнули из сумрака. Агнешка даже невольно вздрогнула — еще пару мгновений назад ничего этого не было.

От поселения сразу повеяло чем-то тягостным.

Случайных путников встречала тоска и запустение.

Некоторые крыши успели обвалиться, а остатки заборов больше напоминали костлявые пальцы, торчащие из-под снега.

Ни дыма из труб, ни огня в окнах.

Казалось, что люди ушли отсюда без оглядки, оставив всё как есть. Даже ветер здесь звучал как будто тише, словно не хотел тревожить это место.

«Шахтёры!» — промелькнула мысль у Агнешки.

Похоже, здесь когда-то был рудник. А когда он иссяк, деревушка умерла вместе с ним.

А Анатоль упрямо шёл к самой дальней избушке. Он явно успел здесь как следует осмотреться.

— Тут, — музыкант подтащил волокушу к вполне ещё добротной двери.

Агнешка с трудом поднялась, ноги онемели и плохо слушались.

Немного поколебавшись, девушка все же переступила через порог. Удивительно, но затхлость и плесень совсем не чувствовались. Как раз наоборот — воздух был сухой, с еле уловимым запахом золы.

Музыкант чиркнул невесть взявшей спичкой и зажёл лучину.

В тусклом свете постепенно проступило нехитрое убранство: две дощатые кровати, полки, печь. Особого мусора или гнилых тряпок видно не было — лишь тонкий слой пыли на полу и кое-где просочившийся снег.

Больше всего это напоминала охотничью заимку. И если так, то это уже было неплохо. С другой стороны, тут могли укрываться контрабандисты или беглые каторжники. Лихих людей на Поясе хватало.

— Ешь, — Анатоль протянул открытую консервную банку.

Девушка тут же схватила жестянку и плюхнулась прямо на пол. Только теперь она поняла, насколько сильно успела проголодаться. Внутри у Агнешки всё заклокотало.

Она даже не стала искать ложку — пальцы сами скользнули в холодное, дрожащее желе. Все представления о приличии были враз позабыты. Только еда, только этот вкус!

А Анатоль тем временем возился возле печки. Кое-как сложив щепки, он безуспешно чиркал спичку за спичкой, вот только пламя никак не занималось. Похоже, молодой человек

вообще был не знаком с таким простым делом. Агнешка уже подумала, что у него ничего не выйдет, но наконец одна из тонких щепок занялась ровным огоньком, который быстро разросся и ухватился за дрова.

Консервная банка опустела.

Кутаясь в бушлат, Агнешка подползла поближе к печи. Расходящееся по дому тепло приятно обволакивало, и тяжелые веки опустились сами собой. На кровать девушка так и не легла – сил не хватило.

Сон сморил её прямо на полу...

...Агнешка открыла глаза и тяжело вздохнула.

Нет, это был не кошмар.

Все это происходит с ней на самом деле.

Прямо сейчас она лежала в старой лачуге где-то посреди заснеженной пустоши.

И из всего этого нужно как-то выбираться.

«Кавалерия не придёт, мы и есть кавалерия» — пришла на ум фраза из какого-то исторического романа.

Действительно, помощи было ждать неоткуда.

Подняв голову, девушка огляделась.

Внутренние часы подсказывали, что она проспала два-три часа. В таких вещах Агнешка обычно не ошибалась, ведь вся её жизнь до этого была подчинена дисциплине и самоконтролю.

Потрескивание дров и жар от печи делали это место почти уютным, но задерживаться здесь не хотелось.

Нужен был план.

А что, если починить снегоход?

Теоретически это было возможно. Какие-никакие знания у Агнешки были. Вот только вытолкать машину из ложбины они бы точно не смогли.

И оставаться тут надолго никак нельзя. Кем бы ни были хозяева заимки, вряд ли им понравится, что в их отсутствие здесь кто-то похозяйничал.

Получалось, что дальше придётся идти пешком.

И чем скорее, тем лучше. В Вернербурге уже наверняка обнаружили их исчезновение и отправили погоню. Оставалось только надеяться, что все следы уже замело.

Агнешка прикинула шансы добраться до цивилизации. Они были.

Здесь наверняка есть какие-то припасы.

Нужно будет только сделать какие-то обмотки на ноги.

А может, стоило поискать лыжи? Когда-то давно, ещё в детстве, Агнешка пробовала вставать на них – и, вроде бы, у неё даже получалось. Подзабытые навыки можно было очень быстро освежить.

Приподняв голову, девушка огляделась.

Оказывается, Анатолий тоже уснул на полу поближе к печке.

Взгляд девушки невольно упал на кочергу, лежащую возле зольника.

— Убей, — раздался зловещий шёпот.

Агнешка тут же села.

— Сбежал, бросил, — продолжил незримый собеседник. — Ты должна отомстить!

— Он ушёл искать помощь, — робко возразила Агнешка.

— Нет! Изменник!

— Замолчи... Прошу... Замолчи..., — Агнешка закрыла уши.

Свернувшийся калачиком музыкант казался сейчас совсем беззащитным.

Он не мог быть врагом. Девушка отказывалась верить в это.
— Убей! – истошный вопль бывшей однокурсницы пробрал до мозга костей.
Не в силах сопротивляться чужой воле, Агнешка потянулась за кочергой.

Глава 2

Глава, в которой Отто занят дознанием, а Анатолий — молитвой

«...и помните – секретность, секретность и еще раз секретность. После прочтения передайте это воззвание своим товарищам, что поддерживают ваши взгляды. Если таковых нет, то сей бюллетень разумнее всего предать огню. Нельзя допустить того, чтобы он попал в чужие руки. Враги повсюду! Окостеневший мир еще не способен принять свежие веяния, он не в состоянии оценить прогрессивные идеи. Наша общая задача – расшатать эти скрепы, сбить застарелую окалину. Впереди у всех нас сложное, но очень интересное время. Нельзя добиться коренного перелома без борьбы, алтарь самоотречения ждёт достойнейших. Только тогда придёт эра благоденствия и всеобщей справедливости...»

«Революционный листок», Ульянов Железный

В красногорской больнице Белоффу пришлось задержаться до самого вечера.

И всё по просьбе Щавеля. Тот располагал десятками хороших сомнологов, но именно Белофф умел смотреть на проблемы под иным углом, находить ответы там, где другие блуждали в потёмках. Его методы были рискованными, подчас непозволительными, но они приносили результат. А то, что Белофф и сам не прочь был «побаловаться» запрещёнными веществами Щавеля мало волновало. В конце концов, в ГАКе были тайны и пострашнее, на фоне которых доктор-гипноман выглядел почти невинно.

Взамен Отто попросил оставить при нём Платона.

Щавель возражать не стал.

Больше всего этому обрадовался сам парень. Как-то неожиданно он дорос от рядового фельдшера до личного помощника самого загадочного сомнолога Новой Варшавы.

Фургон Петуховых так и остался у жандармерии, Рубик тоже куда-то запропастился. К счастью, выручил всё тот же Щавель, который выделил служебный паромобиль.

Эмблема ГАКа на борту действовала лучше любого пропуска. Поставые старательно делали вид, что ничего не замечали, а прочие экипажи старались побыстрее освободить дорогу.

Пожилой водитель в потёртой, но безукоризненно чистой форме молчал. То ли он был так сосредоточен на рычагах, то ли просто не хотел разговаривать. Белоффа это полностью устраивало.

Через добрую половину города удалось проскочить непривычно быстро.

Но чем ближе они были к дому Зиманских, тем сильнее у Отто нарастало беспокойство. Он уже и не сомневался: там точно что-то происходило. Или даже произошло.

И опасения Белоффа подтвердились.

Едва паромобиль свернул в посёлок, как впереди, в самом конце улицы, показалась до боли знакомая фигура. Профессор Михайловский размахивал руками так отчаянно, словно хотел во что бы то ни стало донести что-то важное.

— Остановите, — коротко велел доктор.

Тормоза взвизгнули, машину тряхнуло, и шофёр недовольно скосился на пассажира.

— Ждите здесь, — добавил Белофф, уже собираясь открыть дверцу.

— Не могу, — пожал плечами водитель.

— Эй, дядя, ты сам-то знаешь, кого везёшь? – возмутился Платон.

— Мне сказано довезти – я довёз. Про остальное мне неизвестно.

Пожилой мужчина прекрасно понимал, с кем имеет дело, но у него были свои инструкции.

— Полчаса, — голос Белоффа прозвучал холодно, почти угрожающе. Было непонятно, просьба это или приказ.

— Хорошо, — как-то очень быстро сдался шофёр, — только не больше. Мне дальше ехать надо.

Спрыгнув на землю, Отто продолжил путь пешком. Лучше было немного пройти, чем оповещать всю округу о своем прибытии. Уж слишком шумным в этом месте казался паромобиль.

Платон едва поспевал за размашистыми шагами доктора. Не сказать, что роль личного оруженосца ему льстила, но доверенный саквояж фельдшер держал крепко.

Предмestье тонуло в сумраке, словно здесь всегда так было. Фонари не горели, но за неплотно задернутыми портьерами периодически мелькали какие-то тени. Если здесь кто-то и оставался, то он всеми силами старался оставаться невидимым.

Подходя к дому Каталины, Отто ещё раз обернулся.

Вроде бы всё было спокойно. Даже слишком.

А у крыльца уже поджидал Михайловский.

Широким жестом морок приглашал внутрь.

Но не успел Белофф подняться по ступеням, как из-за двери высунулся взлохмаченный Боря.

— Господин доктор, наконец-то! У нас тут такое!

Взгляд Белоффа скользнул по встревоженному лицу юноши.

— На кухню, — быстро проговорил Боря. — На кухню проходите.

Без лишних вопросов Белофф пересёк просторный холл.

На кухне его ждала любопытная картина.

Прямо на полу лежали три связанных человека.

Двое из них, судя по бушлатам, служили матросами у Вернера, ещё один был гражданским.

— Барин приехал! — воскликнул Ложкин. — Отто, заждались. Бросил нас, ничего не сказал.

— Они... Они ... — захлебываясь, пыталась что-то сказать Марфа.

— Мадам, позвольте мне, — с напускной галантностью Роберт перебарщивал, — я сейчас все объясню.

Белофф скрестил руки на груди. Он уже понимал, что ничего хорошего не услышит. Ему даже было интересно узнать, во что его втянули на этот раз.

— Короче, — принялся объяснять Ложкин. — Мы тихо сидели, не шуршали... Но потом прилетал дирижабль, а там эти...

— Катку украли! — выпалила Марфа.

Известие и впрямь было не из приятных.

Отто невольно поморщился.

Дева в беде — этот архетип выглядел до обидного банальным и пустым.

А ведь спасти придётся.

И неизвестного кого — то ли Каталину от похитителей, то ли похитителей от Каталины.

— Он у них за главного, — Марфа указала на мужчину в костюме.

Роберт уже давно отобрал у служанки ружьё, но массивный половник в её руках выглядел грозно.

— Ага, предводитель, — подтвердил Ложкин. — Это мы с Марфушкой сговориться успели. Она чай заманила пить, а я их там из электрического пистолета пощёлкал. Вещь хорошая. Надо бы и нам такую заиметь.

А между тем главарь кое-как сел и попробовал почесать о колено внушительную шишку на лбу. Похоже, Марфа своим оружием всё же успела воспользоваться.

— Не дергайся! – пригрозила служанка.

— Сейчас допрос учинять будем, — поддакнул Роберт.

Со стороны ситуация выглядела даже отчасти комично – уж больно ловко эта парочка спеленала непрошенных гостей. А ведь матросы точно были не из простачков.

— Господин Белофф, — хрипло пробормотал мужчина в костюме, — прикажите нас развязать.

— Вы кто?

— Мы с вами уже знакомы. Юлиус нас представлял.

— Не обязан помнить.

Мужчина тяжело вздохнул.

— Матвей Игоревич Болотников. Управляющий заводом господина Вернера.

Где-то в глубине памяти у Отто проскочила мысль – да, такая встреча была.

— Зачем вы похитили госпожу Зиманскую?

— Никто её не похищал, — попробовал оправдаться Болотников. – Её просто пригласили в гости. Я подумал, что это ускорит ваш приезд. Юлиусу сейчас нужна ваша помощь. Очень нужна.

— Подробнее.

Отто и так прекрасно понимал, о какой помощи может идти речь. Видимо, Вернер и сам стал жертвой сомнологической заразы. Зная его образ жизни и тягу к излишествам, это был всего лишь вопрос времени.

— Я не хотел бы распространяться при посторонних, — управляющий перешел на полусёпот.

— Придётся.

У Белоффа не было ни малейшего желания сейчас играть в шпионские игры.

— Юлиус... Он... — язык у Болотникова заплетался. – Он болен.

— Loquere, audio, — сухо ответил Белофф.

— Он вам доверяет, — слегка прокашлявшись, продолжил управляющий. — И вы его хорошо знаете. В сложившихся обстоятельствах, нам без вас не обойтись. Подчеркиваю – не только Юлиусу, а нам всем! Слишком много людей от него зависит.

Белофф чуть наклонил голову, словно соглашаясь с услышанным. Но внешне он всё равно оставался беспристрастным. Его сейчас абсолютно не трогала чужая личная драма, которая могла стать всеобщим бедствием.

— Послушайте, — Болотников уловил настроение доктора, — вы обязаны нам помочь. Ваши коллеги только разводят руки. Ваши методы спорны, но они действуют. Я наводил о вас справки, вас считают уникалом. А ещё, если мне не изменяет память, у вас с Юлиусом есть определенные договоренности коммерческого характера.

А вот это был веский довод. Да, Вернер неплохо платил, а Белофф всегда был честен со своими нанимателями. Вот только в этот раз ситуация была куда сложнее. Люди Вернера явно перегнули палку. Такого Отто не прощал.

— Где госпожа Зиманская?

— В резиденции Юлиуса, — отвечал управляющий. – Поверьте, ей ничего не угрожает. Любое её пожелание будет тут же выполнено. Это всего лишь лёгкая прогулка.

— Где Вернер?

— Эмм... В резиденции... В другой...

Болотников явно что-то недоговаривал, и Отто это чётко уловил.

— Где Вернер? – резко, почти отрывисто повторил Отто.

— Там... У Тёмной стороны.

А вот это было плохо. На Тёмной стороне сомнологические болезни проявлялись иначе. В таких условиях они порой набирали пугающую силу, способную изменить человеческую

суть. В вечной темноте обострялись бредовые видения, сон становился похож на непрекращающуюся горячку, а пробуждение – на агонию. Всё, что в Новой Варшаве можно было держать в узде опытом и медицинскими знаниями, там в любой момент могло обернуться хаосом. Нет, для Вернера это еще не означало приговор, но уже сейчас любая проволочка могла обойтись слишком дорого.

— Цыц, ироды!

Марфа замахнулась половником на матросов, вздумавших перешёптываться.

Подействовало.

— Он хотел отобрать наш шагоход! – улучив момент, пожаловался Боря.

— Имею научный интерес, — огрызнулся управляющий.

Белоффа мало занимали подобные прения.

— Платон!

— Да, господин доктор, — совсем уж по-армейски отрапортовал фельдшер.

— Беги за машиной.

Поставив саквояж на стол, Белофф ещё раз обвёл взглядом всех собравшихся.

— Эй, а наш фургон? – заволновался Боря. – Вы что, не на нём приехали? Где он?

— В жандармерии, — сухо ответил доктор.

— Как? Да почему?

— Борька, тихо, — Роберт одернул племянника.

У Отто уже обрисовывался план. Сделав пару шагов, он буквально навис над пленником.

— А с вами, господин Болотников, мы сделаем вот что...

Рука с кочергой бессильно упала на пол.

Агнешка так и не смогла решиться. Чужой голос давил, увещевал, требовал, но что-то внутри упорно сопротивлялось. Боль в висках то нарастала, то стихала.

Тихо застонавший во сне Анатолий перевернулся на другой бок.

Происходящее будто бы его не касалось.

Судорожно выдохнув, девушка прижала ладони к лицу. Она словно пыталась спрятаться от себя — лишь бы ничего не слышать, лишь бы не чувствовать больше эти прикосновения сгустка злобы и ненависти. Но тишина не принесла облегчения, в ней гулко отзывалась собственная слабость.

— Музыка... Вечно... — пробормотал Анатолий.

— Вставай! – вскрикнула Агнешка и толкнула ногой музыканта в плечо. – Вставай немедленно!

Этот неожиданный порыв вырвал девушку из оцепенения.

— А? Что? – Анатолий приподнял голову.

— Нам нужно уходить.

У Агнешки появилась твердая уверенность, что сейчас всё зависело только от нее. Именно она должна была взять на себя командование, а не ждать, что спасение придёт само собой.

— Обыщи здесь всё.

Еще толком не проснувшийся Анатолий глуповато озирался по сторонам.

— Спички! У тебя были спички, — вспомнила девушка. – Отдашь их мне. Нам нужна еда на два дня. И тёплые вещи.

Лениво зевнув, музыкант наконец-то сел и совсем по-детски принялся тереть лицо.

— Принеси снега, мне надо умыться. Потом...

Договорить Агнешка не успела.

Дверь резко отворилась и гулко хлопнула о стену.

Откуда-то сверху посыпалась пыль и опилки.

Внутри ворвался холодный воздух.

В дверном проёме возникли три фигуры.

Не теряя ни секунды, они наставили ружья на Агнешку и Анатоля.

— Кто такие? – с прищуром хрипло бросил самый старший из них.

— Что тут надо? – подхватил второй, держа ствол почти у самого лица музыканта. – Не дергаться – порешу!

Все трое были невысокими, но кряжистыми. В тугих меховых куртках и шапках, с заплечными сумками и посеребренными снегом бородами – они действительно напоминали охотников. Вот только на деле это могли быть кто угодно.

— Мы... заблудились, — голос девушки прозвучал даже твёрже, чем она сама ожидала. — Хотели согреться.

— Заблудились? Тут? – хекнул старший.

— Да брешут они, бать! – тут же отозвался мужчина, оставшийся возле двери. – Шлёпнуть их, чтоб другим неповадно было.

Внешнее сходство сложно было разобрать, но, похоже, это был отец с сыновьями.

— Это успеется, — покачал головой старший. — А ну говорите, это Колено вас подослал? Только не улить! Насквозь вижу.

— Я не знаю, кто это, — ответила Агнешка.

— А чего это баба вместо тебя ответ держит? – главарь посмотрел на Анатоля. – Чего молчишь, а?

— Молчишь... — повторил Анатоля и вытаращил глаза. – Баба...

— Ты по-человечьи отвечай! – дуло уперлось музыканту в подбородок.

— Янчи, погоди-ка, — произнёс старший, после чего обратился к Агнешке. – Он у тебя не юродивый часом?

— Болеет, — подтвердила девушка, стараясь подбирать подходящие слова. – Немного обезумел. Досталось ему.

Главарь наконец-то опустил ружье.

— То-то я и гляжу, чудной он какой-то. Так уж и быть, в расход пока не пустим. Послушаем, что вы скажете. Только учти, тут чужим не рады. Особенно тем, кто врать начинает.

Выбора у Агнешки не оставалось. Нужно было говорить правду. Вернее, ту её часть, которая не обернётся ещё большими неприятностями.

— Я личная помощница господина Вернера, — как можно увереннее проговорила Агнешка.

Охотники переглянулись. Это имя явно произвело на них впечатление.

— Наш снегоход сломался, — выдержав небольшую паузу, продолжила девушка.

— А чего это вас понесло сюда? – с прищуром спросил старший. — Вдвоем-то, с юродцем.

— Нам нужно в Новую Варшаву. Это личный приказ господина Вернера.

— Ты что ли сама снегоход вела? – усмехнулся Янчи. – В жизни не поверю, что девка с такой махиной справится.

— Именно так, — Агнешка окончательно успокоилась. – А еще я знаю устройство дирижабля.

— Во дела, — то ли с недоверием, то ли с восторгом пробормотал стоящий у дверей охотник.

Старший стащил шапку и потёр затылок.

— И куда путь держите?

— Нам надо к доктору, срочно. Этот человек, — Агнешка кивнула на Анатоля, — настоящий гений в музыке. Господин Вернер его очень ценит.

— Так а откуда вы едете? – в голове у старшего что-то не сходилось.

— Из Вернербурга.

— Видеть – не видели, но слыхивали, — отозвался отец-охотник. — Недалече будет.

— Если вы поможете нам добраться до Новой Варшавы, вас хорошо наградят.

Старший поначалу обрадовался, но очень быстро спохватился.

— Э, нет, шельма, не проведешь! — с нехорошей улыбкой проговорил бывалый охотник. — Сладко поёшь, да всё мимо. До замка-то куда ближе будет. А там и другой снегоход взять можно. Всяк быстрее обернёшься, чем ногами до города топать.

— Бать, дело говоришь.

— Лучше мы сами вас к Вернеру доставим, — уже почти торжествовал старший. — А нам за это премию выпишут. Не просто так вы оттуда дёру дали.

Агнешка поджала губы.

Так просто заговорить хозяев заимки не удалось, теперь нужно было идти до конца.

— Это не в ваших интересах. Господин Вернер очень расстроится, когда узнает, что нам кто-то помешал, — девушка попыталась говорить с ледяным пренебрежением, но получалось натянуто. — Поэтому вам лучше сделать так, как я говорю.

— Слышь! Ты мне тут морду козью не строй, — нахмурился старший. — Я ж и выпороть могу.

Янчи гоготнул.

— Бать, а она ничего. Хоть и худющая.

От этих слов внутри у Агнешки всё сжалось. Слишком свежи были воспоминания о капитане Бересневе, который в считанные секунды превратился из прекрасного принца в похотливое животное.

— Ты свой рычаг при себе держи, — строго сказал отец-охотник. — Я такое не одобряю, сам знаешь.

— Да помню я, помню.

А Агнешку уже начинало колотить. Волна отвращения накрывала её с головой, грудь распирало. Казалось, что гнусная тень Береснева проникла и сюда, в эту избушку посреди заснеженной пустоши. Девушка готова была ненавидеть не только молодого капитана, не только эту вооруженную троицу, но и весь этот лицемерный мир мужчин.

И эта ненависть была сильнее холода, сильнее любой усталости.

«Не позволю, не дам, не повторится!» — Агнешка закипала от тихой ярости.

— Может еще что поведать хочешь? – старший снова обратился к беглянке. — Ты говори-говори, а мы потом порешаем, как с вами быть.

— Нам нужно в Новую Варшаву, — чётко и отрывисто проговорила девушка, с трудом подавив желание впиться ногтями в рожу этого мужика.

Раньше она и подумать не могла, что способна на такие мысли, но столкновение с жестокой реальностью расставило всё по местам. Если Агнешка в чем-то и была наивна, то от этого не осталась и следа.

— Варшава-а-а, — протянул Анатоля.

— Заткнись!

Янчи замахнулся прикладом, но музыкант даже не шелохнулся.

— Вам хорошо заплатят, — напомнила Агнешка. — А ещё вы можете оставить себе снегоход.

— А на кой он нам? Сломанный-то?

— Его можно починить.

— Хватит! – рявкнул отец-охотник. – Ясно мне, выкрутиться хочешь. Знать, есть за тобой грешки. Не просто так вы тут оказались.

Похоже, что старший так и не определился, что делать с пленниками. Проще всего было бы их пристрелить, но с другой стороны – тут явно пахло лёгкой наживой. Раз они от кого-то бегут, то за них можно что-то вырчить.

— Пожрать бы уже, — как бы невзначай сказал Янчи. – Мяска охота.

Широко ощерившись, он обнажил два ряда мелких, почти треугольных зубов.

Страшная догадка поразила Агнешку.

Каннибалы!

Ей приходилось слышать про то, что в таких местах творятся жуткие вещи. Но тогда это всё казалось всего лишь страшилками. Но теперь кошмар из чужих рассказов обрёл плоть и кровь и стоял буквально в паре шагов от девушки.

— Страшно? – отец-охотник сразу заметил настроение девушки. – Так-то мы человечину не шибко уважаем, но иногда приходится.

Агнешка почувствовала приступ тошноты. Лучше бы её просто убили. Прямо сейчас. Только бы не слышать подробности.

— Консервы наши разворовали, — Янчи сапогом подтолкнул пустую банку.

— Мы всё возместим, — пообещала Агнешка.

— Возместит она, ага! – словно издеваясь, криво усмехнулся старший. – Да ты не бойсь. Не так мы оголодали, чтобы на кожу и кости бросаться...

— Тихо! – внезапно насторожился стоящий у двери мужчина.

— Что там? – обернулся глава семейства.

— Как будто пар гремит... Кажись, едет кто-то.

В избе всё смолкло. Даже пламя в печи съёжилось и стало куда слабее.

— Музыка... — снова напомнил о себе Анатолий.

— Урод! – взвился Янчи и в следующую секунду все-таки приложил музыканта прикладом.

Парень распластался на полу. На лбу мгновенно проступил след от удара, словно это было клеймо.

Агнешка даже не думала вступаться за своего спутника. Она вслушивалась.

Снаружи всё отчётливее нарастал гул двигателя.

Очень быстро девушка поняла, что это был снегоход. Точно такой же, как и тот, на котором они сюда добрались. Выходит, в замке заметили их исчезновение и выслали погоню.

И сейчас было непонятно, что лучше – остаться с каннибалами-охотниками или снова попасть в лапы Вернера. Оба варианта были одинаково плохими.

А меж тем, снегоход, судя по звуку, подъехал вплотную к заимке и приглушил мотор.

— Не рыпаться, – зашипел на пленников старший и прикрыл заслонкой печь.

Изба потонула во тьме.

Послышалась еле различимая поступь и скрип половиц. Эти трое прекрасно ориентировались в темноте.

— Выходим, — коротко бросил отец-охотник и подтолкнул дверь.

Стало слегка светлее, на полу проступила сумрачная дорожка.

Относительная тишина не была долгой.

Снаружи раздались голоса.

Сначала спокойные, глухие, будто бы люди разговаривают сквозь зубы.

Но тон быстро менялся.

Слова становились всё громче и жёстче.

А потом зазвучали выстрелы. Хлёсткие и безжалостные.

Девушка невольно сжалась.

— Я – нота... Такт не сойдётся, — забормотал Анатоль. – Forte — боль, piano — надежда...Соль, ре, до. Господин дирижёр, не вычеркни меня... Музыка сильнее, музыка вечно...

Это одновременно напоминало и бред, и молитву. Агнешка раньше не слышала от своего спутника столько слов за раз, и от этого ей становилось не по себе.

— Ублюдки! – чей-то истошный крик быстро перешёл в хрип.

Пальба стихла так же неожиданно, как и началась.

Лишь размеренный рокот мотора раскатывался над заброшенным поселком.

— Струны дрожат, смычок на ветру... Ля-минор – это кровь, — совсем тихо проговорил Анатоль.

Осторожно поднявшись, Агнешка сделала неуверенный шаг, затем еще один. За этими стенами её могло ждать что угодно.

— Тебе повезло, — совсем рядом послышался насмешливый, почти издевательский голос Полины. – Беги!

В этот момент Агнешка почувствовала, будто бы её подтолкнули к выходу.

Глава 3

Глава, в которой Белофф неожиданно испытал лёгкий приступ ностальгии

«... а меж тем в Городском Соборе заговорили о том, что эпидемия отступает. А вы тоже заметили, что наши градоначальники уже не стесняются этого слова? Ведь поначалу благородные господа важно раздували щёки и грозили карами всем, кто якобы сеет панику. А оно вон как оказывается. Признать очевидное – браво! В высоких кабинетах верны себе. Куда любопытней кажутся заявления о дополнительных ассигнованиях, которые обещаны на «борьбу с последствиями». Меня можно сколь угодно долго обвинять в предвзятости, но я не верю во все эти разговоры о дешёвых снадобьях и новых госпитальных койках. Всё это больше напоминает какую-то грандиозную аферу, прикрытую благородными лозунгами. Вот скажите, положив руку на сердце, вы сами...»

«Нововаршавский советчик», Виктор Вторыга

— Ещё! – уже порядком поднабравшийся посетитель в очередной раз пододвинул свою рюмку.

Этот тип решительно не нравился кабатчику, но тот готов был терпеть кого угодно, пока ему исправно платили. А денёжки у помятого забулдыги явно были.

«Надо будет потом пощупать его карманы...» — подумал кабатчик и тут же мысленно дал себе по рукам.

Обычно он не брезговал таким приработком, но что-то подсказывало, что сегодня лучше воздержаться. Посетитель выглядел опасным, а хозяин шалмана в таких вещах не ошибался.

— Извольте, — кабатчик плеснул из квадратной бутылки.

— Дрянь, — оценил мутно-жёлтую жижу посетитель и залпом влил в себя рюмку.

— Обижаете. Настояно на лучших кореньях.

— Врёшь! — прозвучало это совсем беззлобно, но, судя по увесистым кулакам, невысокий и крепко сбитый мужчина потасовок не боялся.

Вместо ответа кабатчик лишь неопределённо хмыкнул. Он и сам все прекрасно понимал, просто местная публика особо на качество пойла не жаловалась.

— А чего это у вас так тихо? – мутный взгляд посетителя скользнул по тёмному залу.

И действительно, для таких мест здесь было на удивление спокойно. Ни тебе пьяного угара, ни табачного дыма, ни гвалта. В мрачном подвале было не менее двух десятков человек, но все они лишь тихо переговаривались за своими столиками.

В затуманенном сознании сидящего у стойки мужчины все чётче проступало осознание того, что вся эта напускная чинность-благородность только из-за его присутствия.

— У нас тут приличное заведение, — ответил кабатчик.

— Поговори мне тут ещё! — неожиданно приосанившись, грозно произнес посетитель.

— Чую, притон у вас. Потрясти б тебя как следует, всё бы рассказал.

Худшие опасения кабатчика оправдались. Выпивоха оказался проблемным.

— А ну налей! – посетитель стукнул рюмкой по столешнице.

— Приятель, полегче.

— Я тебе не приятель! — мужчина попытался ухватить одной рукой кабатчика за грудки, но тот вовремя отпрянул. — Ты знаешь, кто я? Чего вылупился?

Сграбастав бутылку, скандалист приложился к горлышку.

Кадык так и заходил вверх-вниз.

— Точно — дрянь, — посетитель громко втянул воздух.

— Да он это! Он! — донеслось из глубины зала.

— Морда жандармская!

— Что? Кто? — глаза Рубика тут же налились кровью.

— Вам лучше уйти, — с нажимом произнес кабатчик. — А то ж костей не соберёте.

В этот раз лейтенант оказался шустрее. Тяжёлая оплеуха сбила дерзкого кабатчика с ног. И уже в следующую секунду мимо Рубика пролетел табурет и грохнулся о стойку.

— Давай, подходи! — выкрикнул почти протрезвевший лейтенант.

Здесь собралась только шваль, с которой не стоило церемониться. Всех серьёзных бандитов Рубик знал лично.

— Вали его! — взревел кто-то из колонны.

На лейтенанта разом кинулись трое. Его кулак, будто стальной таран, врезался в того, кто имел неосторожность сунуться первым. Нападавший рухнул, опрокинув стол. Ещё одного Рубик сшиб плечом.

— Держиморда! — послышался неприятный визг.

Лейтенант развернулся и, вложив в удар весь вес, свернул третьему противнику челюсть. Раздался хруст.

А толпа уже ожила. Зал наполнился гулом и всеобщей ненавистью. Кто-то вцепился Рубику в рукав, кто-то пытался свалить его с ног, но он яростно отбивался.

Боксёрское прошлое давало о себе знать. Жандарм бил точно и сильно. В нём кипела злоба за все неудачи последних дней.

Лишь в последний момент Рубик увидел, как сбоку что-то блеснуло.

Та самая квадратная бутылка с оглушительным звоном разбилась о его голову. Во все стороны брызнули остатки пойла, а стеклянные осколки осыпались на пол.

Ноги предательски подкосились, весь кабак как будто закружился в диком хороводе.

Последнее, что услышал лейтенант, так это чей-то сиплый смех.

Свет для Рубика погас.

Перестрелка закончилась вничью. К несчастью для обеих сторон.

На снегу, возле заимки, лежали пятеро. И четверо из них уже были мертвы, пятна крови уже расплзлись по белизне. Лишь Янчи ещё цеплялся за жизнь. Он заходился в тяжёлом хрипе, в глазах появилась стеклянная поволока, а по губам стекала студенистая пена. Познания в медицине у Агнешки были весьма посредственные, но и она уже прекрасно понимала, что молодому охотнику осталось недолго.

Девушка не испытывала к нему особой жалости, только странное чувство отстранённости. Агнешке вспомнились его зубы, мерзкая ухмылка, разговоры о «мяске». Внутри у неё сейчас не было ни облегчения, ни злорадства, только пустота.

Янчи пытался что-то сказать, но получился лишь протяжный стон.

«Добей!» — донеслось откуда-то из подсознания.

Агнешка лишь покачала головой. Чужая воля именно сейчас для неё не имела значения. Она даже не пыталась сопротивляться приказу — просто пришло понимание обречённости. Смерть для девушки уже перестала быть чем-то трагическим, слишком уж часто приходилось сталкиваться с ней в последнее время. К этому невозможно было привыкнуть, а вот считать мучительной нормой — вполне.

Сзади послышался шорох.

Пошатающийся Анатолий вышел из избы.

— Музыка... Молчит, — держась за косяк, музыкант рассеянно огляделся.

Агнешка не ответила. Её куда больше заботил низкий и ровный рокот. Снегоход ещё работал. И это была точно такая же машина, на которой они прибыли сюда. Это был путь к спасению.

Но сначала нужно было ещё кое-что делать.

— Обыщи их, — произнесла Агнешка. — Нам нужны деньги.

— Деньги... — повторил музыкант.

Сама же девушка подошла к одному из убитых матросов. Его лицо было незнакомо, но он явно прибыл из Вернербурга. А значит, беглецов вряд ли оставят в покое.

Внимание девушки привлёк слегка присыпанный снегом пистолет. Потёртая рукоятка поблескивала в полумраке. Агнешка замерла. Внутри неё что-то противилось. Оружие – это был тот самый шаг, который она ещё никогда не делала. Но здравый смысл всё настойчивее говорил, что без этого уже не обойтись.

— Возьму, — тихо произнесла девушка, будто бы оправдываясь перед собой.

Пистолет показался тяжёлым и холодным. По пальцам пробежал озноб.

Агнешка крепче сжала рукоять, стараясь унять дрожь. И вместе с тем нахлынуло незнакомое доселе ощущение силы.

Фары снегохода едва заметно моргнули, словно откликнулись на решение девушки.

Похоже, это был знак.

Пора снова отправляться в путь.

— Нет, никак не можно, — покачал головой шофёр. — Мне велено довезти, а если надобно будет, то и обратно доставить. По городу катать – про то разговора не было.

Немолодой мужчина привык всё делать по правилам.

— Острая необходимость, — без тени эмоций произнёс Отто.

— Так меня за это по головке-то не погладят, — развел руками шофёр. — Не по службе это будет.

Белофф вытащил блокнот и кое-как карандашом нацарапал несколько слов. Затем вырвал лист и протянул его шофёру.

— Щавелю от Белоффа, — запинаясь, зачитал водитель. — Временно реквизирует транспорт. В моих и в ваших интересах.

Записка заставила мужчину задумчиво почесать затылок.

— Так-то оно так...

Следом Белофф протянул ещё одну бумажку. В двадцать злотых.

Платон жадно вытянул шею, разглядев купюру, но шофёр с решением не торопился. С одной стороны – это было бы самоуправством, но с другой – какой-никакой документ теперь у него имелся.

— Ладно, поедемте, — наконец-то сдался водитель.

— Платон, ты вперёд, — делить диван Отто не хотел.

Паромобиль вздрогнул и медленно покатыл по разбитой дороге.

Очень скоро они выехали на окружную дугу, после чего принялись колесить по окраинам, огибая центр.

За окном мелькали редкие фонари, кривые деревья и обветшалые дома.

Казалось, город понемногу приходит в себя после лихорадки, но, скорее всего, это была только видимость. Вся эта история с кофейным суррогатом ещё обязательно аукнется.

На перекрёстах дежурили патрули, а сами улицы постепенно утопали в мусоре. И над всем этим висела мрачная туманная дымка.

Белофф молчал. Он смотрел в окно, но перед ним уже всё чётче рисовался образ Вернера. Бледный, с застывшими зрачками – промышленник как будто молил о помощи.

Наверняка оказавшиеся на месте эскулапы уже задействовали все методы классической терапии сна, но этого явно было недостаточно. Иначе люди Вернера не кинулись бы так ретиво искать Белоффа. Сама личность промышленника уже располагала к тому, что обычными сомнологическими лекалами тут не обойтись. Возможно, «Теофей» стал отчасти провокатором кризиса, но корни нынешних проблем Юлиуса крылись куда глубже.

Странно, что, находясь рядом с ним, Белофф ничего не заподозрил. Профессор Михайловский тоже молчал. Обычно морок бурно реагировал на приближающееся безумство. Выводы делать было ещё рано, но всё это настораживало.

Погруженный в свои размышления, Отто даже не заметил, как паромобиль окольными путями вынырнул почти с противоположной стороны Новой Варшавы.

— Тута же? – оглянувшись шофёр, когда они остановились возле массивных ворот.

Отто молча кивнул.

Это место было ему уже знакомо.

Именно здесь состоялось знакомство с Юлиусом Вернером. Белофф прекрасно помнил, как его не совсем учтиво пригласили на виллу для лечения музыканта-гипномана. В этом была своя ирония, что Отто снова оказался здесь, только на этот раз уже ради самого хозяина дома. Круг замкнулся.

— Ждать не буду, — заявил водитель. — Мне на Красную горку еще ехать.

Возражать Белофф не стал. С транспортом теперь затруднений быть не должно. На вилле был собственный паропарк.

А тем временем ворота почти бесшумно распахнулись.

Навстречу Белоффу вышел полноватый прилизанный мужчина в расшитом камзоле.

— Господин Белофф? – то ли поприветствовал, то ли просил мажордом.

Громко крикнув, ГАКовский паромобиль лихо крутанулся и рванул в обратном направлении.

— Где госпожа Зиманская?

— С ней все в порядке. Вы должны...

— Где Зиманская? – жёстко и отрывисто повторил Отто.

— Она тут, — смутившись, мажордом даже отвел взгляд.

— Точнее.

— Была в винном погребе. Танцевала. Напугала повара до обморока.

Чего-то подобного и стоило ожидать. С выбором заложника кто-то дал промашку. Хотя, похоже, Каталина здесь действительно была на правах гостыи, раз уж ей сходило с рук такое поведение.

— Я сообщу о вашем прибытии, — мажордом быстро пришёл в себя. — Через час подадут дирижабль. Вам нужно лететь...

— Нет, — Белоффу уже откровенно надоело топтаться на месте. — Дайте телефонограмму, господина Вернера нужно доставить сюда. Срочно.

— В отсутствие хозяина приказы здесь отдаю я.

— Ошибаетесь.

От Белоффа повеяло таким холодом и презрением, что мажордом снова стушевался.

— Отведите меня в медицинский блок, — потребовал Отто.

— Но...

— Без «но», речь идет о жизни вашего патрона.

Эти слова слегка привели распорядителя в чувства.

— Борис, — мужчина подозвал выглянувшего из сторожки матроса, — сопроводи господина доктора в лекарню.

— Есть!

— Где Матвей Игоревич? – только сейчас спохватился мажордом.

— Скоро будут, — ответил Белофф. – Найдите госпожу Зиманскую и скажите, что ей пора собираться.

Распорядитель хотел ещё что-то спросить, но Отто его тут же перебил.

— Выполняйте.

Для мажордома это было унизительно, но ничего поделать он не мог. Гость быстро и доходчиво объяснил, кто есть кто.

— Нам туда, — подскочивший матрос указал на флигель.

Трёхэтажная вилла возвышалась над садом как безмолвный монумент тщеславию – этакая громадина из серого камня, с узкими окнами и застеклённой верандой.

Отто с Платоном прошли через боковой вход и сразу же спустились вниз на два пролёта.

— Сейчас, — произнёс сопровождающий и щёлкнул тумблером.

Небольшой коридор залило ровным электрическим светом, что было невиданной роскошью.

Но Белоффа удивило вовсе не это.

Во время прошлого визита именно в этот подвал он не спускался, пианиста держали в другом месте.

Оказывается, на вилле было сразу несколько лечебных покоев.

— Лекарня? – на всякий случай решил удостовериться Белофф.

— Так точно! – матрос распахнул тяжёлую дубовую дверь.

За ней оказалась комната, напоминавшая одновременно и палату для привилегированных больных, и лабораторию с претензией на роскошь. На обустройство Вернер не поскупился.

— Я могу идти? – учтиво поинтересовался сопровождающий.

— Да, — кивнул Отто. – Пришлите кого-нибудь, тут нужно прибратся.

В помещении было слегка пыльно, но не более того. Вот только Белоффа это не устраивало, сейчас ему нужна была идеальная чистота.

— Пять минут, господин доктор, — пообещал матрос и тут же скрылся.

— Это вообще что? – удивленно огляделся Платон.

Он видел немало больниц и госпиталей, но это не вписывалось в его привычные представления.

— *Deus ex machina*, — тихо произнёс Белофф.

— А?

Отто лишь отмахнулся от помощника.

Они ненароком обнаружили еще один вернеровский шкаф со скелетами.

Среди всех этих приборов и приспособлений больше всего выделялось устройство, напоминавшее древний электрический стул. Но использовалось оно вовсе не для умерщвления опасных преступников.

Белофф когда-то уже имел дело с такой мебелью, когда изучал электросудорожную терапию.

Это было кресло Чижевского.

В основном их использовали для лечения шизофрении, но и в сомнологии им нашлось место. Эффективность такого изобретения была сомнительной, но в подвалах ГАКа такие имелись. Вопросы морали там ставили куда ниже профессиональных интересов.

— Проверь тут всё, — распорядился Белофф. – Ищи запрещённое.

— Да, шеф, — бросился исполнять Платон.

Парень быстро вживался в роль личного помощника. И это ему определённо нравилось. Ведь он чувствовал себя не просто мальчиком на побегушках, а вполне себе значительной фигурой.

Белофф потянул носом. В помещении чувствовался еле уловимый запах озона.

А профессор Михайловский уже успел расположиться в том самом кресле, свесив ноги с подлокотника.

Морок одобрительно ухмыльнулся, как будто считал догадку Белоффа.

Да, похоже, всё обстояло именно так.

Пусть и поверхностные, но какие-то познания в сонных болезнях у Вернера были. Да и дневник Фаликова оказался у него совсем не случайно.

Промышленник явно пытался вникнуть в эту науку. Но потом, наигравшись или столкнувшись с чем-то неведанным, просто бросил это дело.

Зачем это ему было нужно?

Вряд ли здесь всё упиралось в увлекающуюся натуру, такие люди во всём видят свою выгоду.

Возможно, он искал способ научить человека не спать вовсе. А может, ещё что-то. В любом случае, Вернер успел перейти от размышлений к научным изысканиям и экспериментам.

Это чувствовалось. Буквально кожей. Прошлое не желало покидать эти стены. В комнате до сих пор витали незримые вибрации из страха, азарта и разочарования.

И ведь Вернер ничего и не думал скрывать. Просто Отто не хотел это видеть.

А что до Анатоля...

Теперь-то было понятно, почему лечение шло настолько вяло.

Музыкант не сошёл с ума. Его просто не успели выключить.

Крепкий череп выдержал.

Во рту чувствовался терпкий привкус крови, а перед глазами стоял сизый туман. И вместе с тем Рубик смутно понимал, что его волокут за ноги.

Сознание то проваливалось, то возвращалось. В эти короткие просветы до лейтенанта, словно сквозь шипение старого репродуктора, доносились пропитые злобные голоса.

— Давай к каналу его, — тяжело дыша, пробормотал один.

— Ага, — согласился второй. — Только привязать чего-то надо, чтоб не всплыл...

— Сойдёт и так, там водоворот такой...

— Ты смотри, это ж целый лейтенант. Найдут — нам всем потом крышка будет.

— Не мороси, — раздраженно буркнул первый бандит.

Рубик попытался подтянуть к себе руки, но мышцы почти не слушались. Каждое долетавшее до него слово было сейчас сильнее, чем та самая бутылка. Но постепенно к лейтенанту приходило понимание, что его судьбу сейчас решают два кабацких выродка.

С каждой минутой всё сильнее тянуло тухлой водой, и сквозь гул в голове слышался мерный плеск. А еще Рубик отчетливо чувствовал запах собственного перегара.

— Ботинки хорошие у него были, — сказал один из бандитов. — Мне б такие сгодились. Надо поглядеть, что у него ещё есть.

— Да его уже всего обшарили, — вторил напарник. — Козлы!

— Все равно ещё посмотрим. Авось какая заначка осталась.

Затылок подскочил на очередной кочке. Лейтенант постепенно приходил в себя. И ему очень не понравилось, что его заживо записали в покойники.

Он ещё побрыкается.

В любой другой момент Рубик с лёгкостью разобрался бы с этими доходягами, но сейчас обстоятельства складывались иначе. Нужно было собрать все силы для одного решительного броска. Только так появлялись хоть какие-то шансы на успех.

За годы службы лейтенант научился ждать, и сейчас это умение было как нельзя кстати. И подходящий момент представился уже совсем скоро.

Бандиты притормозили, чтобы перевести дух. Тащить взрослого мужика оказалось делом не из лёгких, а Рубик был далеко не перышко.

— Чёртова туша, — выругался один из бандитов, вытирая рукавом пот со лба. — Надо было его там и бросить. Вон, и деньги, и сапоги другие прибрали, а нам тащи его.

— А ты чего мне выговариваешь? Сам же вызвался.

— Да я-то думал...

Договорить негодяй не успел.

Выдернув одну ногу, Рубик саданул бандита под коленку. Тот взвыл и рухнул на землю.

Его товарищ успел повернуться, но лейтенант уже рванул вперед и всей тяжестью врезался ему в живот. Ещё миг — и Рубик подмял противника под себя.

Кулак жандарма взметнулся и обрушился вниз, словно кузнечный молот. Послышался хруст сминаемой кости. Одного удара хватило, чтобы расплющить нос. Лицо бандитской сошки превратилось в кровавое месиво.

Лейтенант резко рванул руку на себя. Костяшки заныли, кожа содралась, к пальцам прилипла горячая и тягучая кровь.

— Гнида, — с земли поднялся первый бандит.

Преодолевая боль в одеревеневших мышцах, Рубик отскочил в сторону.

— Сдохнешь здесь!

В полумраке блеснул короткий изогнутый нож. Таким хорошо было скоблить кожу, ну или вскрыть кому-то пузо в уличной драке.

Рубик не мог сбежать, даже если бы захотел. Его обязательно догонят и пырнут, а потом скинут в мутные воды канала.

В глазах двоилось, виски нестерпимо давило, но лейтенанту оставалось лишь одно — стоять до конца.

— Порешу! — подонок бросился в атаку.

Реакция лейтенанта подвела.

Как следует отбить летящий на него нож он не успел.

Острое лезвие пропоролло Рубику ладонь.

Но это позволило выиграть драгоценную секунду.

Враг был выше, и лейтенант воспользовался этим.

Сначала был удар лбом в переносицу, а в следующее мгновение Рубик снизу врезал бандиту в челюсть.

Тот пошатнулся, но устоял на ногах. Нож всё ещё оставался в его руке. Глаза злодея горели бешенством.

— Сука! — прошипел он и снова замахнулся.

Рубик, задыхаясь, всё же перехватил запястье негодяя. Пальцы едва слушались, но хватка оказалась железной. Бандит рванул, и оба завалились на землю, вцепившись друг в друга.

Некоторое время они катались в грязи. Бандит отплёвывался кровью прямо в лицо лейтенанту, но тот словно не замечал этого. Издав злобный рык, Рубик всё же вывернул сопернику кисть. Нож наконец-то выпал.

Это и стало той песчинкой, которая склонила весы в пользу жандарма.

Навалившись сверху, лейтенант уже двумя руками сжал горло врага. Тот пытался отбиться, но было уже поздно.

Соппротивление становилось всё слабее. Руки бандита задрожали. Хрип перешёл в сип, а потом и в судорожный клёкот. Ещё несколько секунд — и тело окончательно обмякло.

Рубик не отпускал руки, пока окончательно не убедился, что враг больше не подает признаков жизни. Потом оттолкнулся и перевернулся на спину. И ещё с минуту он жадно глотал холодный воздух, уставившись в тёмное, непроглядное небо.

Глава 4

Глава, в которой Рубик заводит новых друзей, а Каталина привередничает

«...нас сложно удивить, но жителям дома №11 по Архивной улице это удалось. Они обратились в нашу редакцию с просьбой прислать садовника. И сразу предвосхищая ваш вопрос – нет, это была не шутка. Как оказалась, квартиры добропорядочных граждан стали зеленеть. На стенах, потолках, лестницах начал проступать сначала тонкий сероватый, а уж потом насыщенно изумрудный мох. Вовсе не тот мох, что выращивают на клумбах и подоконниках, а дикий, и оттого пугающий. Хозяева квартир винят во всём музыку, доносящуюся из-за стены. По соседству как раз располагается Театр музыкальной драмы и комедии. Там сейчас дают оперетту какого-то малоизвестного композитора. Жильцы злосчастного дома уверены, что мох растёт в такт мелодии, и особенно быстро во второй части, где звучит тема дождя. Мы ничего не утверждаем, но давно известно, что даже бобы куда лучше зреют под классику...»

«Невероятные факты», Василий Желтов

Открыть глаза удалось не с первого раза.

Веки казались неподъёмными.

Немного придя в себя, Болотников понял, что лежит на полу со связанными за спиной руками. Ноги тоже кто-то перетянул веревкой. И сделано это было на совесть.

В памяти всплыл шприц в руке доктора Белоффа. Это было последнее, что видел управляющий перед тем, как потерять сознание.

— Эй, вы не спите?

Это был один из тех матросов, вместе с которыми Болотников угодил в эту ловушку.

— Нет.

Кое-как Болотников сел.

Замешательство отступало, на его место пришла злость.

— Идиоты, — произнес управляющий.

Люди, которые должны были его охранять, дали обвести себя вокруг пальца. И кому? Кухарке и типу с замашками мелкого мошенника. Похоже, господин Вернер здесь явно кому-то переплачивал.

— Так точно — идиоты, — согласился матрос.

Прислонившись спиной к стене, он как-то странно подёргивал плечами, пока его товарищ посапывал рядом.

— Ты что делаешь? — спросил Болотников.

— Верёвку тру, — выдохнул матрос. — Тут кирпич выпирает.

— Мы где?

— Не могу знать.

Управляющий тихонько выругался.

— Клапан – сердце, пар – душа, — неожиданно раздался скрипучий голос. — Нельзя их менять местами...

Только теперь Болотников понял, что в этой комнатухе их на самом деле четверо. На приземистой тахте лежал еще кто-то.

— Давление держи! Держи... держи... держи... — эти слова прозвучали как заклинание.

— Дурной он, — на лбу матроса уже появилась испарина. — Бормочет что-то. К мракобесу подселили.

— Заткнись, крыса! – на удивление чётко произнес четвёртый пленник. – Вы пришли за чужим. Моя машина... Нет!.. Аха-ха...

А вот это уже было интересно.

Услышанное заставило Болотникова насторожиться.

Не о том ли шагоходе говорил безумец? Агрегат и впрямь был весьма любопытным. Чертежи чего-то подобного Болотников уже видел раньше, но с опытным образцом сталкивался впервые.

И, судя по всему, машина оказалась на редкость удачной. А раз так, то конструктивное решение следовало изучить, перенять и по возможности поставить на поток.

— Шестерёнки спят, — неизвестный изобретатель снова сбился на еле различимый лепет. – Рычаг не трогать... Гидравлика живая... Весь мир на ней...

Мужчина лежал без движения. В полумраке черты его лица терялись, но Болотников был уверен, что тот ещё вполне молод. И даже уставший хрипловатый голос не должен был вводить в заблуждение. Всех мало-мальски стоящих инженеров и конструкторов Матвей Игоревич знал лично, все они были людьми зрелыми, опытными.

Значит – это исключение.

Юное дарование, и, скорее всего, самоучка.

— Это вы сделали шагающий аппарат? — как можно спокойнее спросил Болотников.

— Я видел... Видел, как смеётся металл...

Достучаться до собеседника было непросто. Гениальность и сумасшествие часто шли рука об руку, но здесь всё оказалось куда сложнее. Болотников умел быстро сопоставлять факты. Вывод напрашивался сам собой – этого конструктора держат взаперти не случайно. Им пользуются. А чтобы был покладистей, его чем-то накачивают. Присутствие Белоффа служило лучшим тому доказательством. Доктор явно был во всём этом замешан, ведь такие люди умели подчинять чужую волю.

— Вас тут удерживают? – сделал ещё одну попытку Болотников.

Молодой человек как будто бы шелохнулся.

— Я друг. Мы вам поможем.

Если этот парень действительно построил шагоход, то ему просто не было цены.

— Я работаю у Юлиуса Вернера, — продолжил управляющий. – Вы знаете, кто это такой?

Пленник усмехнулся:

— Да, Вернер есть... Был... Тоже вор... Мысль нельзя в контур, она перегреется.

В этих словах определённо был какой-то смысл, но Болотников пока не мог его уловить. С механикусом стоило бы поговорить в более спокойной обстановке. Служба безопасности Вернера обязательно вывернет наизнанку всю подноготную парня. Оставалось только выбраться отсюда.

— Мы освободим вас, — пообещал управляющий.

— Посмотрим, — в голосе пленника внезапно появилась твердость, словно это говорил кто-то другой.

В этот самый момент послышался звук рвущейся веревки.

Матрос наконец-то распрямил руки и с облегчением потёр запястья.

— Готово. Ломаем дверь? – тут же предложил он.

— Погоди, — остановил его Болотников.

Сейчас не стоило торопиться. Куда разумнее было выждать и загнать обидчиков в их собственную западню.

Рубик брёл меж покосившихся сараев. Район был ему почти незнаком, и, похоже, где-то совсем рядом уже начиналась Коварка – тот самый лабиринт из подворотен и притонов, куда и жандармы лишний раз не совались.

Он и сам не помнил, как угодил в злополучный кабак. Но он точно знал, что вскорости туда вернётся. И не один. С десятком штурмовиков. А эти ребята не привыкли церемониться, гадюшник они разнесут в труху.

Идти пришлось босиком. Снятая с бандитов обувь оказалась мала.

Зато в их карманах нашлись папиросы, спички и фляжка. Выпивка была настолько же дерьмовой, насколько и ядрёной. Но именно это сейчас и нужно было лейтенанту.

Глоток, затяжка, несколько шагов. Глоток, затяжка, несколько шагов... Всё сводилось к этому простому ритму.

Сейчас нужно было просто выбраться отсюда.

Себя со стороны Рубик не видел, но прекрасно понимал, что на его лице нет живого места. В кабаке ему крепко досталось, а бандиты у канала ещё добавили. Щёки пылали, губа треснула, один глаз заплыл. Но всё это казалось пустяками. Синяки да ссадины пройдут, главное – он был жив и, как ни странно, ещё держался на ногах.

Рубик упрямо шёл вперед, почти не разбирая дороги. Он даже сам не заметил, как выбрался на небольшую безлюдную улочку. Жилых домов, похоже, тут не было, но чуть поодаль – о чудо! – горел одинокий газовый фонарь. Этот мерцающий синий огонёк вселял надежду.

Остановившись, лейтенант сделал очередной глоток и оглядел повязку на изрезанной руке. Кусок грязной тряпицы, кое-как намотанный поверх раны, выглядел жалко. Пропитанная кровью ткань уже всё больше напоминала запёкшуюся корку. Боль напоминала о себе всё настойчивее.

Миновав фонарь, лейтенант свернул в тесный проулок. Интуитивно он уловил, где должен быть центр города, и теперь держался этого направления.

Расчёт оказался верным. Пройдя еще немного, Рубик уловил запах жизни – тот особый городской дух, в котором смешались уголь, дешёвый табак и варёная капуста. Постепенно стали попадаться лачуги, из которых пробивался свет. Где-то вдалеке уже слышался лай собак и как будто гудок парового трамвая.

А ещё на улице появились люди. Но при виде лейтенанта прохожие тут же старались поскорее скрыться из виду.

Рубик и сам понимал, как выглядит – в крови, без ботинок, с перекошенным лицом. Даже здесь, посреди трущоб, где не задавали лишних вопросов, его персона казалась слишком подозрительной.

Слегка подволакивая ногу, лейтенант упрямо продолжал свой путь.

До Рубика долетели обрывки разговора. Сначала это показалось наваждением, но нет – голоса с каждым шагом звучали всё отчётливее и злее. Впереди явно кто-то спорил.

Раздалось зычное ругательство, а за ним звонкая оплеуха.

Определённо, это всё было не случайно.

Такую манеру и командные нотки Рубик узнавал безошибочно.

И ожидания очень быстро подтвердились.

В узком закутке между двумя хибарами лейтенант наткнулся на небольшую компанию – пара крепких мужиков в тёмно-синей форме прижали к стене двух молодых людей, по виду больше всего напоминавших студентов.

— Только дёрнись, — один из патрульных приставил дубинку к горлу юноши, — по стене размажу. Выворачивай карманы! Кому сказал!

— Вы не имеете права, — робко запротестовал паренёк. — Мы ничего плохого не сделали.

— А это мы проверим. Морда мне твоя не нравится!

Жандарм замахнулся дубинкой. Юноша в ту же секунду сжался, прикрывая руками голову.

Появление Рубика пока оставалось незамеченным.

— Лей... лейтен... Петер Ру... жанд... мерия... Новой Варааавы, — произнёс он, еле ворочая языком.

— Чего?

Патрульные уставились на лейтенанта.

— Руби... лейтен... — попробовал повторить Рубик, но слова всё так же липли к языку.

— Проваливай! — ощерился ближайший жандарм.

Возиться с пьянчугой патрульным явно не хотелось. Да и взять с этого босяка было нечего. У них сейчас была добыча куда интереснее.

— Я...

Рубик сделал шаг навстречу и тут же получил увесистой дубинкой по плечу.

— Ты чего-то добрый, — зло усмехнулся второй жандарм. — Обычно сразу по башке бьёшь.

Ссутулившись, лейтенант обмотанной рукой схватился за плечо. Было чертовски неприятно — эти ребята умели бить. Всё уладить можно было бы взмахом удостоверения, но его, видимо, вытащили ещё в кабаке.

— Кажись, он чего-то запретного нажрался.

— Похоже.

Следующий удар пришелся Рубику по рёбрам.

— Не бейте его, — неожиданно вступился один из студентов. — Ему плохо, вы не видите?

— Заткнулся, — патрульный мощным тычком почти впечатал парня в стену.

— Тварь, — вполне внятно прохрипел Рубик.

Его захлестнула злость. Лейтенант прекрасно понимал, что если жандарм работает на улице, если каждый день сталкивается с отребьем, то рано или поздно он и сам начинает напоминать головореза. От этого никуда не деться. Но эти двое слишком уж уверовали в собственную безнаказанность.

— Что? — взревел патрульный.

Третий раз ударить он не успел.

Как только дубинка взмыла в воздух, кулак Рубика врезался патрульному в грудь. Вышло не сильно, но очень точно — прямо под дых.

Жандарм захлопал ртом, жадно хватая воздух. Его товарищ тут же ринулся на помощь, но, нарвавшись на левый боковой, сам осел, как тряпичная кукла.

Минуту назад лейтенанту казалось, что ещё на одну потасовку его не хватит. Выходит, ошибался. Его полупьяное сознание уже перешло на рефлексy. А они превосходно работали даже в таком состоянии. Юношеское увлечение спортом не прошло даром.

— Тебе конец, гнида, — согнувшись, закашлялся первый патрульный.

Рубик не нашел ничего лучше, чем сцепить руки в замок и как следует садануть противника по затылку. Теперь уже оба патрульных оказались на земле.

Внутри у лейтенанта как будто что-то переклинило, на висках проступил пот. Он понимал — так нельзя, так не по уставу. Но приступ гнева взял своё. Хотя, по большому счёту, патрульные сами напросились.

— Товарищ, надо уходить! — из ступора Рубика вырвал тот самый студент, попытавшийся его защитить.

— А?..

— Надо. Быстро, — парень ухватил лейтенанта за рукав и потащил за собой.

Рубик даже не думал упираться.

Раздав указания Платону и двум немолодым горничным, Отто поднялся наверх.

До прибытия дирижабля оставалось ещё время, и можно было выпить чего-то крепкого и дорогого. А ещё у доктора появилось жгучее желание выкурить сигару. Зная замашки Вернера, легко было предположить, что с этим проблем не будет. Вряд ли хьюмидоры на этой вилле когда-нибудь пустеют.

Примерное расположение главного зала Белофф помнил ещё с прошлого раза. Заблудиться здесь было сложно.

Пройдя сквозь флигель, Отто оказался в просторном салоне с высокими окнами. Этот зал больше напоминал музей тщеславия. Портреты, оружие на стенах, чучела экзотических зверей – всё это должно было лишний раз напомнить визитёру, в чьём доме он находится.

У камина уже дежурил лакей.

— Господин чего-то желает? – спросил он мягко.

— Выпить.

Лакей понимающе кивнул и указал на кресло.

— Извольте обождать.

Через минуту перед доктором стоял бокал густого янтарного коньяка.

То, что нужно.

Напиток оказался безупречен. Терпкий, глубокий, с тёплым послевкусием – в благородстве он мог дать фору многим нововаршавским аристократам.

А прозорливый лакей тем временем бесшумно раскрыл деревянный ящичек, достал сигару, отсек кончики серебряной гильотиной и подал, слегка поклонившись. Вернер слыл весьма гостеприимным человеком, и вся прислуга была вышколена соответствующим образом.

— Ещё что-нибудь? – учтиво спросил лакей.

Белофф покачал головой.

Сейчас он с удовольствием побыл бы один. Общество сигары и коньяка его вполне устраивало.

Но этим планам не суждено было сбыться.

— Милый! Вот ты где!

Даже со всей своей выдержкой Белофф едва не подскочил.

Каталина не умела появляться тихо. Ей обязательно нужно было во весь голос заявить о себе.

— Мне сказали, что ты приехал.

Девушка плюхнулась на соседнее кресло и тут же бесцеремонно положила ноги на столик. Лакея такое поведение явно покорило.

— Человек! – несколько развязно обратилась Каталина. – Налей мне что-нибудь.

— Прикажете подать «Слезу лебедя»? – спокойно спросил слуга.

— Фу... Не хочу, надоело... Кислятина, — поморщилась девушка. – Там была бутылка...

Ну, такая... Синяя... Тётка в лесу нарисована.

— Должно быть, госпожа говорит про «Лунный шепот».

— Да! Наверное.

— Сей напиток будет крепковат для вас, — заметил лакей.

— Тащи! – Каталина пристукнула каблуком по столешнице.

Лакей удалился, стараясь не ронять чувства собственного достоинства. Похоже, госпожа Зиманская успела здесь всех порядком утомить. Это было вполне в её духе.

— Ты не торопился, — разгоряченная Каталина вытащила из рукава складной веер и принялась себя обмахивать. – Со мной могли сделать что угодно.

— Тем хуже для них.

— Хам, — удивительно, но Каталина не стала раздувать скандал. — Что пьешь? Дай! Не дожидаясь разрешения, девушка буквально вырвала бокал из рук доктора.

— Ничего так, — пригубила Каталина, но с коньяком расставаться не торопилась. — Пойдёт.

— Тебе пора домой.

— Ага, сейчас! Бегу.

Девушка явно вознамерилась перевернуть виллу Вернера вверх дном.

— Тут такая оружейка – закачаешься, — мечтательно продолжила Каталина. — Ты должен её посмотреть, там ещё тир есть.

— Блистательно, — скупно ответил Белофф.

Особого интереса к таким вещам доктор не испытывал. Он умел обращаться с пистолетом, и этого было вполне достаточно.

— Какой ты занудный, — хмыкнула Каталина.

Отто едва заметно кивнул, выпустив колечко дыма.

— Разве ты не соскучился?

Девушка скинула туфлю и ступней игриво ткнула доктора в колено.

— Перестань.

— А то что? – Каталина и не думала отступать. – В угол поставишь?

— Болотников у тебя, — Отто посчитал, что лучше всего перевести тему, — его отпустят, когда ты вернёшься.

— Это такой лысый, неприятный? – повеселела девушка. – Так ему и надо! Будет знать, как барышень похищать. Марфа этой жабе взбучку устроит. Она у меня такая.

В зал снова вошёл лакей. Только сделал это он нарочито громко, будто желая напомнить о своём существовании. В руках он держал поднос, на котором красовалась высокая синяя бутылка.

— Молодец, хороший мальчик, — похвалила Каталина. – Наливай.

Лакей слегка поморщился. Здесь бывали разные гости, но к такому отношению он не привык. Да и сам слуга был куда старше этой развязной дамочки.

— До краёв, — потребовала девушка.

Сорвав пробку, слуга филигранно наполнил фужер под самый кант.

Каталина тут же отпила, не пролив при этом ни капли.

— Мне велено передать, — лакей обратился к Белоффу, — дирижабль уже на подлёте. Хозяин скоро будет здесь.

— Что?! – вскричала Каталина.

Бокал полетел на пол.

— Подайте экипаж! Немедля!

Столь резкая перемена в настроении была вполне объяснима. Девушке очень не хотелось встречаться с Вернером. Одна только мысль о карточном долге несказанно бесила её.

— Успокойся, — не меняя позы, произнёс Белофф.

— Сам успокойся! – огрызнулась Каталина. – Мне валить надо!

— Ничего тебе не будет, — Отто был всё так же невозмутим.

— Да? А знаешь, сколько денег я должна? – девушка готова была взорваться. – А ты мне не дал, а я просила. И ты мне теперь говоришь, что ничего не будет?

— Я обещал подумать, — напомнил Белофф.

— Мразь, ненавижу! – рассвирепевшая Каталина попробовала вырвать у лакея поднос, намереваясь запустить его в доктора.

— Юлиус болен, — объяснил Отто. – Он без сознания.

— Это как? – Каталина замерла, непонимающе захлопав ресницами.

— Безмолвно, по большей части.

Стоящий рядом лакей сделал вид, что ничего не слышал.

— Хм... даже так, — протянула Каталина, задумчиво прищурившись.

— Приказать подать экипаж? — поинтересовался слуга.

— Да подожди ты, — отмахнулась девушка.

Судя по всему, её отъезд откладывался.

Еще минуту назад девушка готова была сломя голову бежать отсюда, а сейчас её уже накрыла новая волна любопытства.

— Ого! Отто, ты слышишь? — Каталина подняла вверх большой палец.

Откуда-то сверху уже доносился нарастающий гул. Больше всего это напоминало ритмичное хлопанье лопасти. Юлиус Вернер и впрямь был на подлёте.

— Я хочу это видеть! — решительно заявила Каталина, поднимаясь с кресла.

Следом встал и Белофф — этот дирижабль он обязан был встретить. Меры по лечению промышленника нужно было принимать незамедлительно.

— Вам на задний двор, — лакей отодвинул тяжелую портьеру, за которой оказалась стеклянная двустворчатая дверь.

Удивительно, как быстро сонная, казавшаяся безлюдной вилла ожила. В одно мгновение всё вокруг буквально закипело. По огромной лужайке бегали матросы, в окнах мелькала прислуга, кто-то суетливо раздавал команды.

А над всем этим уже нависал дирижабль.

— Не видела таких, — поделилась Каталина.

Судно действительно выглядело странно. Вместо привычного продолговатого баллона у него были два параллельных отсека, соединённых лёгкими фермами. Между ними висела гондола, больше напоминавшая пузатый бочонок. Вся конструкция выглядела рискованной, но по-своему изящной, с явным расчётом на маневренность и лёгкость хода, а не на показную красоту.

— Корыто, — презрительно фыркнула Каталина. — Не полечу на таком.

А дирижабль тем временем завис в метрах десяти от земли. Матросы сноровисто растягивали сброшенные канаты. Что-то громко лязгнуло, и под брюхом гондолы разошлись створки.

Из проема показалась опускающаяся платформа. Среди стоящих на ней людей без труда можно было рассмотреть человека в кресле-каталке.

Да, это был сам Юлиус Вернер. Его бледное лицо как будто излучало слабый, болезненный свет.

— Ах... бывает же, — девушка украдкой ткнула доктора. — Это надолго?

— Энигматично.

На этот раз уклончивый ответ вполне устроил Каталину. Раз уж Отто ничего вразумительного сказать не мог, то с исцелением Вернера точно придётся повозиться.

— Вот и славно...

Каталина уже прикидывала, сколько она еще сможет находиться на вилле. Это было цинично, но напрямую зла промышленнику она не желала.

— Смотри! — девушка неожиданно ухватила Белоффа за рукав.

Взметнувшаяся откуда-то из-за деревьев клубящаяся струя разрезала серое небо.

Прямо над дирижаблем прогремел взрыв.

Яркая вспышка озарила всё вокруг, словно это место на мгновение перенеслось на Светлую сторону.

— Паровой гранатомёт! — прокричал кто-то из наземной команды.

Над судном расплозлось пороховое облако. Вниз посыпались искры и куски обшивки одного из баллонов.

Платформа успела приземлиться. Сопровождающие тут же бросились к дому, на ходу прикрывая собой кресло с Вернером.

С гондолы застрекотал пулемёт, поливая очередями близлежащий холм. В ту же сторону ринулись несколько вооружённых матросов.

Невидимый паромётчик успел дать ещё один залп.

Пришвартованный дирижабль казался идеальной мишенью, но и в этот раз взрыв прогремел выше. Гондола лишь дёрнулась.

— В укрытие! Быстро! – перед Отто и Каталиной появился охранник.

Всё происходило как в кинематографе – картинки перелистывались быстро и рвано.

— Ух ты! – видя, что творится, Каталина с восторгом хлопнула в ладоши.

Глава 5

Глава, в которой Рубик оказывается на лекции, а Белоффа записывают в женихи

«...мы так и не узнали, что же творится на Красной горке. Официальные заявления мы, разумеется, читали – гладкие, выхоленные, блестящие, как кокарда у унтера на разводе. Даже хочется им верить. Но смущает в этом то, что сейчас там всем заведует ГАК. Та самая организация, про которую в последнее время не особо умные головы начали шептаться: мол, ослабла, сдала, уже не та, выдохлась. Уверяю вас – ГАК никуда не делся. И уж тем более не ослаб. Поверьте, это вам не мягкие булочки из жандармерии. Булочки можно мять, крошить, мацать пальцами и даже забыть на подоконнике. С сомнологической гвардией такое не пройдет. С ними нужно держать ухо востро, если не хотите этих самых ушей лишиться. Все наши попытки попасть на Красную горку и получить хоть какие-то разъяснения потерпели неудачу. Раз за разом...»

«Нововаршавский советчик», Виктор Вторыга

Трофейная фляжка уже опустела, и поспевать за спутниками становилось всё сложнее. Ноги забились, а самого Рубика порядком мутило. Но вместе с тем все сильнее проступало осознание абсурдности происходящего. Чад кутежа перерос в дебош до такой степени, что лейтенант теперь был вынужден скрываться от своих же – от жандармерии.

— Товарищ, пожалуйста, побыстрее! – обернувшись, попросил один из парней.

Выглядели эти двое слегка франтовато. Такие шуртки и брюки Рубик себе позволить не мог. Если это и впрямь были студенты, то явно небедные.

— Потерпите, уже скоро, — обнадежил второй юноша.

В ответ Рубик лишь промышчал что-то нечленораздельное.

Раньше он считал, что прекрасно знает Новую Варшаву, но в последнее время эта вера сильно пошатнулась.

То ли отравленный алкоголем рассудок сбоил, то ли его вели настоящими крысиными тропами. Проводники тащили Рубика по настоящему лабиринту, сотканному из переулков и тесных дворов. Пару раз они выбирались на широкие шумные улицы, но лишь для того, чтобы почти сразу нырнуть в новую тёмную, пропитанную сыростью подворотню. А однажды им даже пришлось прошмыгнуть сквозь маленькую, наполненную народом чайную. Но самое странное было в том, что никто не обратил внимания на троичу. Ни один из посетителей даже бровью не повел, а половой, не прерываясь, натирал стол. Словно всё это было в порядке вещей.

— Здесь, — шедший впереди парень неожиданно остановился в очередном проходе.

Перед ним была перекошенная, изрядно изъеденная плесенью дверь.

Со всем своим чутьём Рубик наверняка бы прошёл мимо. Найти это место мог лишь тот, кто знал о его существовании.

— Давай уже! – нетерпеливо зашептал второй провожатый.

Его напарник аккуратно отстучал по двери какую-то замысловатую мелодию и тут же приложил палец к губам:

— Тихо!

С полминуты ничего не происходило, а потом внутри послышались шорохи.

Дверь приоткрылась бесшумно, хотя, казалось бы, должна была рассыпаться от одного прикосновения.

— Назовитесь! – из темноты донесся взволнованный голос.

— Пегас.

— Фосфор.

— Правое дело только одно! – уже хором произнесли молодые люди.

— А с вами кто?

Парни недоуменно переглянулись. Познакомиться со своим спасителем они так и не успели.

— Это свой, проверен в бою, — спохватился тот, который назвался Фосфором. – Человек надёжный, готовы ручаться.

— Имя! – потребовали из-за двери.

— Петер, — Рубик не стал врать.

— Проходите, — немного поколебавшись, смиловился невидимый привратник.

— Давай, не бойся, — Пегас слегка подтолкнул лейтенанта. – Тут друзья.

— А я и не боюсь, — буркнул Рубик и шагнул в проём.

Как только за ними захлопнулась дверь, зажегся газовый фонарь.

По-стариковски сморщенное лицо караульного не ввело Рубика в заблуждение. Это был такой же юнец, как и Пегас с Фосфором. Скорее всего, он просто водил дружбу с гипнотиками. На такую публику лейтенант успел насмотреться.

— Ну-с, с чем пожаловали? – совсем по-другому заговорил заморыш.

— Погоня, надо отсидеться, — таинственно и вместе с тем самодовольно ответил Пегас. – «Сапоги» нагнали, насилу отбились.

Рубик еле заметно хмыкнул, но ничего говорить не стал.

Сейчас эти двое могли сколь угодно долго хорохориться, но еще совсем недавно они дрожали от страха при виде жандармов.

— У нас тут Сверчок, — доверительно шепнул нелепый страж.

— Сам? – глаза у Пегаса загорелись.

— Ага. От Угольных псов есть хорошие новости. Он сейчас внизу, читает лекцию для актива.

— А нам можно? – тут же ухватился Фосфор.

Караульный ненадолго задумался.

— Наверное, да. Вы там в уголочке сядьте, чтоб на глаза не попадаться.

— Выпить есть чего? – Рубик бесцеремонно влез в разговор.

— У нас так не принято! – с пафосом ответил заморыш, наконец-то учуяв перегар от гостя.

— Адам, да ладно тебе, — миролюбиво произнес Фосфор.

— Я – Штиц!

— Попутал, — Фосфор положил руку на плечо соратнику. – Конечно, ты Штиц. Это у меня от стресса. Сам понимаешь. Нам бы чего для расслабления. Ведь знаю, что есть.

— Посмотрю, что можно придумать, — с напускной важностью ответил Адам-Штиц. – Ступайте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.